

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.011-023

А. Н. Кокотов*

Конституция России и идеология

Аннотация. В статье исследуется идеологическая составляющая конституционного регулирования, исходя из понимания идеологии как части коллективного мировоззрения, нацеленной на выражение долговременных идеалов и интересов людей, связанных с устройством общества, его политико-государственной организацией. При этом конституционные положения об идеологическом и политическом многообразии служат основой для выделения во взаимодействии групповых (партийных) программ общенациональной идеологии, обобщенным выражением которой является национальная идея. Особый предмет анализа — положение ч. 2 ст. 13 Конституции РФ о том, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Данный запрет не может распространяться на конституционно закрепленные идеологемы как элементы общенациональной идеологии и уточняющее их регулирование. Указанный запрет является средством обеспечения идеологического многообразия. Конституционные идеологемы, в число которых входят, например, положения преамбулы, ст. 671 и 751, получают развитие в иных нормах Конституции, текущем законодательстве. Но главным направлением конкретизации таких идеологем является их ценностно-доктринальное освоение в официальных стратегиях, доктринах, концепциях. На этом уровне важна системная проработка цивилизационного вектора развития страны. Его значимым внутренним ориентиром может стать идея обустройства страны, всех сторон ее жизни.

Ключевые слова: конституция; идеология; идеалы; интересы; национально-государственная идеология; единство в многообразии; многонациональный народ; национальная идея; идеологическое многообразие; идеология прав человека; цивилизационное развитие; обустройство страны.

Для цитирования: Кокотов А. Н. Конституция России и идеология // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 12. — С. 11–23. — DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.011-023.

The Constitution of Russia and Ideology

Alexander N. Kokotov, Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court
of the Russian Federation
1, Senatskaya Sq., St. Petersburg, Russia, 190000
kokotov_an@mail.ru

Abstract. The paper examines an ideological element of constitutional regulation, based on the understanding of ideology as part of a collective worldview aimed at expressing long-term ideals and interests of people

© Кокотов А. Н., 2023

* Кокотов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ
Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000
kokotov_an@mail.ru

related to the structure of society, its political and state organization. At the same time, the constitutional provisions on ideological and political diversity serve as the basis for the identification of a national ideology in the interaction of group (party) programs, the generalized expression of which constitutes the national idea. The author subjects to detailed analysis the provision of Part 2 of Article 13 of the Constitution of the Russian Federation stating that no ideology can be established as state or mandatory one. This prohibition cannot apply to constitutionally fixed ideologemes as elements of a national ideology and their clarifying regulation. This prohibition is a means of securing ideological diversity. Constitutional ideologemes, which include, for example, the provisions of the Preamble, Articles 671 and 751, are being developed in other norms of the Constitution and current legislation. But the main direction of concretization of such ideologies is their value-doctrinal development in official strategies, doctrines, concepts. At this level, a systematic study of the civilizational vector of the country's development is important. The idea of arranging the country, all aspects of its life can serve as a significant internal guideline.

Keywords: constitution; ideology; ideals; interests; national-state ideology; unity in diversity; multinational people; national idea; ideological diversity; ideology of human rights; civilizational development; country development.

Cite as: Kokotov AN. The Constitution of Russia and Ideology. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023;18(12):11-23. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.011-023.

Под идеологией в настоящей статье понимается набор идей, воззрений, концепций, доктрин, чувственно-художественных образов, сказаний, мифов, выражающих то, как должно быть устроено общество, прежде всего в части его политико-правовой организации, на каких ценностях оно должно основываться и какие его группы являются (могут быть) опорными для него. Идеология есть та часть коллективного мировоззрения, которая нацелена на понимание и выражение долговременных идеалов и интересов людей. Поэтому идеологические построения имеют, как правило, программный характер и предназначены для обоснования и направления действий разных политических сил по достижению и воспроизводству желательных для них ценностей и прежде всего — общественно-государственного устройства определенного вида и качества.

То обстоятельство, что идеалы и интересы разных групп населения зачастую не совпадают, ведет к появлению в обществе групповых (классовых, национальных, конфессиональных, других) идеологических программ, создающих основу для сотрудничества и противоборства указанных общественных групп. В их волевом взаимодействии складывается иерархия общественных ценностей и обеспечивающий ее политико-правовой механизм. Наличие послед-

него является важной предпосылкой для выделения в обществе таких воззрений, которые способны стать основой общенациональной (общегосударственной) идеологии.

Развитая национально-государственная идеология есть средство осознания народом самого себя, его социально-политического самоопределения. С ее помощью народ выражает и отстаивает вовне свои запросы, постигает свое место в мире (наличное и желаемое). Идеология — это та культурно-мировоззренческая площадка, на которой происходит постановка народом (через отдельных акторов, взаимодействующих между собой на данной площадке) предельных вопросов бытия: кто мы в мировом пространстве; каково наше место в истории; в чем наше предназначение; чье дело мы продолжаем и что это за дело; кто наши союзники, попутчики, соперники и враги. Национально-государственная идеология служит вовлечению людей в великие дела и помогает разложить эту работу на значительное число поколений, обеспечивая преемственность усилий последних, с тем чтобы каждое поколение проходило свой отрезок пути, опираясь на сделанное до него и заботясь о том, что оно передаст потомкам. Ее сила не только и не столько в ее конституционном закреплении, сколько в улавливании и выражении в ней глубинных запросов и чаяний людей, действительных об-

щемировых и национальных закономерностей, а также и в ее способности доходить не только до сознания, но и до чувств людей¹.

Таким образом, в области идеологии, как и культурно-мировоззренческого пространства в целом, происходит соединение прошлого, настоящего и будущего страны и ее народа (народов). Кстати, данная линия отчетливо заложена в преамбуле Конституции России, ее статьях 67.1 и 75.1. Названные положения отражают социально-культурную и правовую связь разных поколений россиян, потомков с предками². Важным звеном межпоколенного взаимодействия является сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей³.

Именно в культурно-мировоззренческой области, включающей идеологический компонент, мы ищем то главное, что объединяет разные группы населения в череде людских поколений на общей земле, и одновременно то, что способно обеспечить естественное многообразие их особенностей. Девиз Европейского Союза — единство в многообразии. Согласно Европейской комиссии, этот девиз означает, что европейцы едины в совместной работе на благо мира и процветания и что множество различных культур, традиций и языков Европы являются положительным обстоятельством для этого континента.

Ровно эта же идея вытекает и из Конституции России. Помимо упомянутых выше конституционных положений, это также нормы о федеративном устройстве страны, в том числе о разграничении полномочий между федеральным центром и субъектами федерации, о местном самоуправлении как уровне власти, наиболее приближенном к гражданам, о свободе слова,

совести, вероисповедания и защите прав национальных меньшинств, коренных малочисленных народов. Особое значение в обеспечении единства страны в ее внутреннем многообразии имеют положения Конституции России о правовом характере нашего государства, верховенстве Конституции (ст. 1, 4, 15). Единство в многообразии — это и основа для взаимодействия разных идеологических подходов, в котором только и может сложиться подлинно общенациональная идеология.

Таким образом, идеология — это попытка народа осознать себя как целостную коллективную личность, в том числе посредством выработки действующими от его имени акторами доктринально-программных оснований коллективного ценностного выбора в духовно-культурной и государственно-политической области. Концентрированным проявлением названного осознания выступает национальная идея. Она представляет собой емкое и зачастую образное выражение главных ценностей и целей народа, страны, имеющих основание в истории и предполагающих свое осуществление в длительной перспективе посредством солидарных усилий многих поколений. Ее усеченный вариант может формулироваться как призыв, девиз, близкий к официальной символической.

К примеру, в Конституции Франции провозглашены ее девиз «Свобода, Равенство, Братство» и главный принцип — правление народа, народом и для народа (ст. 2 Конституции Франции). Девиз Швейцарии, являющийся историческим выражением смысла ее федеративной политики, — «Один за всех, все за одного». Подобный официальный девиз как подход к конституционному выражению национальной идеи в современной

¹ См.: Кокотов А. Н. Конституция России 1993 года как правовая основа выбора страной цивилизационного пути // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 5–6.

² См.: Гаджиев Г. А. Официальное толкование Конституции: сочетание онтологического и эпистемологического подходов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 1. С. 136–138.

³ См., например: Овчинников А. И. Идеология российской государственности в контексте модернизации: базовые ценности и приоритеты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1. С. 20–25 ; Бабурин С. Н. Конституционные принципы культуры России в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 2. С. 15–21 ; Осавелюк А. М. Поправка к Конституции РФ об идеалах наших предков и вере в Бога как основа устойчивого развития России // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 10. С. 54–60.

России отсутствует. Но его обретение было бы полезным. Над этим надо работать.

Исходными идеолого-цивилизационными конструктами, отвечающими за идентичность народа, выражение им своего самосознания, субъектности, выступают этнонимы, наименования государств. Так, согласно ч. 2 ст. 1 Конституции наименования Российская Федерация и Россия равнозначны. В то же время первое наименование, используемое в настоящее время значительно более широко, чем второе, делает акцент на том, что Россия есть федеративное государство ряда коренных народов Евразии. При этом русский народ и иные российские народы, как государствообразующие для страны в целом и отдельных субъектов федерации, являются основными акторами евразийского пространства в пределах Российского государства.

Россия в качестве государства не тождественна государству русскому. Наименования Россия и тем более Российская Федерация, относясь к словесному ряду, выражающему русскую этничность, государствообразующую роль русского народа, призваны подчеркнуть наднациональный характер Российского государства. Россия — это государство россиян, а русские составляют их часть, хотя и самую большую. Россияне и есть та многонациональная общность, которая является носителем суверенитета и единственным источником власти в стране (ч. 1 ст. 3 Конституции России). Данное прочтение великолепно проступает в строках башкирского поэта Мустая Карима: «Не русский я, но россиянин... свою жизнью я гордиться вправе — нам с русскими одна судьба дана. Четыре века в подвигах и славе сплелись корнями наши племена». В Конституции данный подход выражен в ч. 1 ее статьи 68, гласящей, что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

Конституционная формулировка о многонациональном народе России как нельзя точно указывает на главную цель укрепления гражданского общества в стране. Это сплочение сообщества россиян в единый, но многонациональный

народ. Не только русский народ и другие российские народы по отдельности, но и россияне в целом как многонациональная общность заинтересованы в осознании собственной истории, героики, символики, иных объединяющих людей ценностей.

Концептуальная основа обеспечения названного общероссийского единства — укрепление национальных, религиозных основ общественной жизни, помощь людям в обретении ими традиционных ценностей (патриотизм, хозяйственные, семейные, национальные, религиозные ценности) и вместе с тем — усиление межнационального, межрелигиозного (скажу более — вненационального, внерелигиозного) общения, выработка у людей стойкого чувства общероссийского единства. Два выделенных направления должны быть органично увязаны между собой, ни в коем случае не противопоставляться. Однако в настоящее время, как представляется, всё же в качестве более приоритетного следует выделить второе направление, позволяющее заложить крепкие, действительно общенародные скрепы российского суверенитета, общероссийской идентичности.

Та или иная идеология не только выражается в отдельных идеях, конструктах, их системах, но и объективируется в общественно-государственном строе и правовой системе страны. Не случайно применительно к Конституции мы выделяем, наряду с ее собственно правовым действием, также и ее политико-идеологическую направленность. Тут, конечно, есть еще вторая линия объективации — область чувств и эмоций, художественных образов. Это область, в которой те же идеи то воспринимаются как разумные, то приобретают чувственный окрас, мифическую образность, значение священных, выражающих нравственные требования ценностей. Вспомним шесть стрел К. Ататюрка как шесть основных направлений государственной идеологии Турции, выделившейся после крушения Османской империи. Некоторые деятели США, пытаясь обосновать американскую исключительность на мировой арене, сравнивают свою страну с библейским градом на холме.

Отечественный пример этого ряда — оценка старцем Филофеем Москвы, средневекового

Московского государства как третьего Рима, «а четвертому и не бывати». Эта идея утверждала, что Москва является преемницей Римской империи и Византии, что именно в нее переместился политический и религиозный центр православного мира после их падения. Данная идея сыграла свою роль в становлении Московского государства не только и не столько как государства национального, сколько как государства наднационального, которое по ходу своего развития превратилось в империю множества самобытных российских народов. Естественным магнитом, соединяющим воедино евразийские народы, выступал и выступает русский народ и русская культура. Но такую роль русский народ смог сыграть только в силу способности впитывать те ценности, культурные формы, которые свойственны другим евразийским народам.

Конституция, которая вбирает в себя две названные линии, предстает не только в качестве правового акта, но также и в качестве культурно-нравственного и политико-идеологического регулятора, к тому же взыскующего отношение к себе как к своеобразному «правовому Завету» или «правовой Библии». Только ведет она людей (способна вести) не к вере в Бога, как религиозные тексты, а к вере в справедливый земной порядок⁴. Этот порядок в его идеальном выражении и практических устремлениях к нему находится, как удачно выразился Г. А. Гаджиев, в совместном ведении права и морали⁵. А право в этом союзе представлено в первую очередь правом Конституции. Но это еще и область гражданской веры. Таким образом, Конституция в ее идеальном предназначении есть своеобразный канон гражданской или мирской (не религиозной) веры, предметом которой выступают названный порядок, его правовые, политико-идеологические и морально-нравственные основания.

Вместе с тем в оценке Конституции с названных позиций не стоит впадать в излишнюю бла-

гостность. Невооруженным глазом видно, что в современном российском обществе, наряду с благотворной гражданской верой в конституционные идеалы, соседствует гражданское безверие, апатия, опустошенность. Это те общественные проявления, которые заставляют искать пути их изжития, в том числе посредством совершенствования социально-экономических и общественно-государственных институтов.

Выше было показано, что идеология в значительной своей части является узкогрупповой, партийной. Она нацелена на приоритетное выражение запросов отдельных социальных групп и на отстаивание с этих позиций своего видения устройства государства и общества. К числу таких идеологических направлений относят либерализм, консерватизм, национализм, социализм, коммунизм, экологизм. На их основе формируется политический спектр. Одно из его упрощенных выражений сводится к разделению имеющихся в стране политико-идеологических сил на правых, левых и центристов.

Итак, идеологическое начало, отраженное в том числе и прежде всего в Конституции, имеет два среза, которые при этом нелегко разделить. Первый — это идеи, воззрения, убеждения, непосредственно составляющие конституционный правопорядок, образующие «тело» Конституции как писаной, так и живой (конституционализм), обосновывающие и выражающие данный правопорядок в программно-целевой плоскости и доктринально. Это и есть официальная конституционная идеология, претендующая на роль национально-государственной надпартийной идеологии. Ее невозможно изъять из Конституции и политико-правового пространства. Она составляет основу государственной идеологии. Последняя же присуща любому государству⁶.

Второй срез — это узкие партийные идеологии, программы. Они включены в конституционный правопорядок как средства выражения

⁴ См.: Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов : Полиграфист, 1994. С. 367 ; Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М. : Юрист, 2004. С. 82–88.

⁵ См.: Гаджиев Г. А. Конституционно-правовое концептуальное пространство // Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 15.

⁶ Об этом см., например: Хабибулин А. Г., Рахимов Р. А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. 1999. № 3. С. 11–20 ; Боброва Н. А. Конституционный строй

групповых (классовых, территориальных, иных) запросов, ценностей и как то, что через правотворческий процесс может стать частью действующего официального правопорядка, то есть войти в первый срез. К примеру, меньшинство зачастую делает свои идеи достоянием большинства, всего общества. Иногда это происходит и в форме навязывания большинству чуждых ему идей хорошо организованным меньшинством.

Так проявляет себя то, что П. Бурдье именует символической властью, выступающей функцией символического капитала как нарабатанного соответствующими акторами в политических и иных сражениях престижа, репутации, общественного признания. В основе символической власти (назовем ее возможностью воздействовать на общественное сознание и, что более сложно, на коллективное бессознательное) находится экономический ресурс и ресурс массмедиа. Есть здесь, конечно, и еще один ресурс — умение видеть дальше и глубже других, зарабатывая символический капитал за счет явного концептуального превосходства над своими оппонентами. Пользуясь символической властью, названные акторы получают возможность конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок не только для себя, но и для других, всего общества. Этот порядок вначале пробивает себе дорогу в массовом сознании, а затем облекается в политико-правовые формы. Частью такого порядка выступает политико-идеологическая картина общества и мира. Благодаря эффекту мобилизации, усилен-

ному поддержкой массмедиа, символическая власть позволяет получить эквивалент того, что достигается силой (физической или экономической)⁷. Очевидно, что и государство должно опираться на возможности указанной власти, контролируя в конституционных рамках ее использование иными субъектами, в том числе на идеологическом поле.

С учетом сказанного легче понять смысл ч. 2 ст. 13 Конституции, гласящей, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Появление в Конституции данного положения было реакцией на «идеократию» советского государства, на превращение «научного коммунизма» в единственную официальную идеологию⁸. Однако, во-первых, эта норма не распространяется на идеологический срез действующей Конституции и конкретизирующие его акты. То есть на то, что получило конституционное закрепление в качестве общенациональной идеологии или ее элементов. Другое дело, что действительно надпартийный характер тех или иных идеологем не может автоматически выводиться из одного только факта их включения в текст Конституции. Он должен подтверждаться на практике во взаимодействии между собой и с властью основных групп гражданского общества.

Во-вторых, данный запрет может пониматься только в связке с ч. 1 ст. 13 Конституции, согласно которой в России признается идеологическое многообразие. Очевидно, что такое многообразие имеет смысл только как основа для складывания официальной национально-государ-

и конституционализм в России. Проблемы методологии, теории, практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 28 ; Бутусова Н. В. Государственная идеология и конституционная доктрина России // Юридические записки. Вып. 17. Воронеж, 2004. С. 30 ; Бернацкий Г. Г. Государственная идеология как основа конституционного строя // Юридическая наука как основа правового обеспечения инновационного развития России : сборник докладов III Междунар. науч.-практ. конференции (Кутафинские чтения) / отв. ред. В. И. Фадеев. М., 2012. С. 61–66 ; Левакин И. В. Идеология Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2707 ; Нарутто С. В. Функции Конституции Российской Федерации // Там же. 2023. Т. 18. № 10. С. 64–65.

⁷ См.: Бурдье П. Социология социального пространства : пер. с фр. / отв. ред. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. С. 16, 89, 91, 95.

⁸ Об этом см., например: Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М. — Новосибирск, 2002. С. 138 ; Мартышин О. В. Конституция и идеология // Государство и право. 2013. № 12. С. 34.

ственной идеологии посредством конкуренции разных партийных идеологических программ в политико-государственной деятельности. Следовательно, те или иные программы (либерализм, консерватизм, коммунизм, экологизм) предназначены к тому, чтобы разными путями определять содержание правового регулирования, овладев умонастроениями соответствующих правотворцев, которые ориентируются на них в поиске законных и целесообразных решений. Однако при этом недопустимо наделение в Конституции и законодательстве отдельных партийных программ значением приоритетной основы государственной деятельности, чрезмерно ограничивающей или даже исключаяющей культивирование в государственной и общественной жизни не совпадающих с ними идеологических установок. Таким образом, запрет установления любой идеологии в качестве государственной или обязательной должен пониматься ограничительно как запрет идеологического монополизма и возможность изменять официальные идеологемы в рамках конституционного правотворчества. А идеологемы, которые содержатся в развивающих Конституцию актах, могут быть предметом конституционно-судебной проверки. При этом принцип идеологического многообразия распространяется не только на гражданское общество, но и на деятельность публично-властного аппарата, что наиболее значимо для работы представительных органов власти.

В-третьих, любые идеологемы, в том числе закрепленные конституционно, не могут применяться как обязывающие людей к определен-

ному идеологическому, мировоззренческому выбору. Недопустимо преследование инакомыслящих, навязывание людям идей, которые они обязаны под страхом уголовного или иного наказания разделять, изучать или даже пропагандировать⁹. В этой части дополнительного анализа через призму конституционных ценностей требует практика введения у нас вслед за западными странами юридической ответственности за отрицание гражданами тех или иных исторических фактов, явлений в их официальном прочтении.

В итоге содержащийся в ч. 2 ст. 13 Конституции запрет противостоит навязыванию обществу узкогрупповых идеологических воззрений как единственно допустимых; он помогает в государственной политике ориентироваться на здравый смысл, избегая идеологического монополизма. Последний нетерпим, как и экономический монополизм. Необходимыми средствами обеспечения идеологического многообразия, наряду с запретом установления любой идеологии в качестве государственной или обязательной, являются политические права и свободы граждан, свобода совести, преподавательской деятельности, свобода информации, запрет цензуры¹⁰.

Претворение в жизнь положений Конституции на всех направлениях (применение, исполнение, соблюдение, использование) предполагает при необходимости прямую или опосредованную опору на конституционную идеологию и конституционное мировоззрение в целом. Так, указанный аспект значим в деятельности

⁹ О разных подходах к пониманию положений ч. 1–3 ст. 13 Конституции России см., например: *Исаева К. М.* К вопросу о содержании конституционного принципа идеологического многообразия // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 4. С. 47–49; *Хуснутдинов А. И.* К вопросу о конституционном запрете официальной идеологии в условиях современного информационного общества и электронной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4. С. 10–12; *Цалиев А. М.* О необходимости государственной идеологии в Российской Федерации // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 40; *Астафичев П. А.* Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18; *Кротов А. В.* Государственная идеология как обязательный признак конституционного государства // Lex russica. 2023. Т. 76. № 8. С. 123–127.

¹⁰ См., например: *Исаева К. М.* К вопросу о конституционной идеологии в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 12. С. 29.

Конституционного Суда РФ, осуществляющего толкование Конституции, проверяемых им актов в широком культурно-историческом контексте¹¹.

Однако главным участком выявления идеологического вектора Конституции является ее ценностно-доктринальное освоение в рамках программно-директивного регулирования, складывающегося на стыке нормативной и индивидуальной конкретизации конституционного текста. Содержащиеся в Конституции России идеологические положения получают развитие в ряде стратегий, доктрин, концепций. Так, Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 определены основные национальные цели развития России до 2030 г.¹² Если использовать упоминавшийся выше образ с шестью стрелами К. Ата-тюрка, то в названном документе мы можем увидеть пять «стрел» Президента России. Это: 1) сохранение населения, здоровье и благополучие людей; 2) создание возможностей для самореализации и развития талантов; 3) комфортная и безопасная среда для жизни; 4) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; 5) цифровая трансформация. В стране запущен ряд национальных проектов, призванных названные цели конкретизировать и перевести в практическую плоскость.

Развивающие идеологическое содержание Конституции стратегии, доктрины, концепции и тому подобные акты, решая разные задачи, должны быть системно увязаны между собой. Не исключена и их «кодификация», ведущая к появлению между Конституцией и отдельными стратегиями, доктринами, концепциями акта, целостно выражающего национально-государственную идеологию страны. К примеру, в Казахстане таковым является Патриотический акт, принятый 26 апреля 2016 г. на XXIV сессии Ассамблеи народа Казахстана.

Какова главная точка роста, требующая своего выделения на этом уровне конкретизации Конституции? Прежде всего это системная проработка цивилизационного вектора развития

страны. Внешний срез данной проблематики — это ответ на вызовы обострившейся войны цивилизаций. Что касается внутреннего среза, то в обобщенном виде его выделяет конституционная цель обеспечения благополучия и процветания России (преамбула, нормы гл. 1 и 2 Конституции). Эта цель на века, тем более что она является тем идеалом, который удаляется от нас по мере приближения к нему. При этом данная цель предполагает ее несовпадающее выражение в разные исторические отрезки. В современной России она вполне может получить развитие в установке на обустройство страны.

Установка на обустройство способна стать при опоре на действующую Конституцию мощнейшим стимулом развития российской цивилизации, одним из канонов ее гражданской «религии», культурно-идеологической основой всех ее составляющих, включая экономику и право. Обустройство страны — это общее дело всех российских народов, а значит, надежное средство для обеспечения единства многонациональной страны.

Обустройство — тот концепт, который выражает естественную тягу людей к удобным условиям жизни, труда, общения с окружающим миром, а также тягу к созданию таких условий своими собственными усилиями. Вместе с тем он не ведет к «местечковости», изоляционизму, поскольку требует сохранения места страны во всемирной цивилизации, поиска ею направлений дальнейшего роста в рамках общемировых тенденций.

Обустройство страны — это в том числе преобразование наших населенных пунктов из «временных пристанищ», «походных лагерей» со слабой инфраструктурой в удобные для жительства и деятельности поселения. Пока подобная перестройка заметна только в крупных городах. При этом мы серьезно проигрываем тому же Западу на уровне сельских населенных пунктов, малых и средних городов (конечно, за исключением небольших поселков для состоятельных людей).

¹¹ Об этом см., например: *Бондарь Н. С., Баринев Э. Э.* Аксиология конституционного мировоззрения. Часть II. Ценностное измерение конституционного мировоззрения в координатах конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 2. С. 3–10.

¹² СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

Данное пространство является нашей проблемной зоной и вместе с тем точкой экономического роста, если мы хотим цивилизационного прорыва. Нам нужна равновесность крупных городов, городских агломераций и одноэтажной, а лучше — двухэтажной России малых городов и сельских населенных пунктов. Сегодня в стране наблюдается явный перекося в пользу крупных и сверхкрупных городов, которые как «пылесосы» высасывают население и ресурсы из остальной России. В мегаполисах на поток поставлено строительство все новых и новых многотысячных районов из домов под тридцать этажей. Так выгоднее строительному бизнесу. И это в условиях обострившейся войны цивилизаций, на окоме которой забрезжила опасность ядерного конфликта с одной стороны США, их союзников и сателлитов, а с другой — Ирана, Китая и России. Так для чего чрезмерно раздуваются мегаполисы? Для того чтобы нашим геополитическим конкурентам легче было уничтожить подавляющую часть населения страны? Но и вне ядерного конфликта, если «вырвать» из таких городов надолго «стержень» электричества зимой или водную подпитку, то они станут непригодны для проживания.

Отсюда одно из направлений развития заключается в устранении хотя бы отчасти диспропорций между крупными и сверхкрупными городами и иными территориями страны. Пришло время нового движения на внутренние неосвоенные или плохо освоенные пространства. В известной мере это новый вариант аналогичной советской практики, однако предполагающий свое осуществление в постиндустриальном русле. Новое территориальное рассредоточение требует выхода части населения из крупных городов и возвращение их в том числе туда, откуда люди в свое время перебрались в города. Указанное рассредоточение предполагает восстановление заброшенных поселений и строительство новых. Вряд ли только акцент здесь должен делаться на строительстве новых крупных городов, что, конечно, не исключено. В приоритете создание современных высокотехнологичных сельско-городских поселений, поселков (экодережень и т.п.). Данные поселения требуют высокой степени автономизации, в

том числе в части обеспечения электричеством, иными ресурсами.

Много лет назад на одном научно-практическом мероприятии я услышал запавшее мне в душу выступление философа С. Попова, обратившего внимание на то, что советская власть тотально уничтожала на селе не только церкви, церковно-приходские школы, но и мельницы, иные предприятия первичной переработки сельскохозяйственной продукции. С его точки зрения, это делалось потому, что названные институты — основа автономии села. В ходе российской революции начала XX в., как и в рамках предшествовавших ей английской и французской революций, под разным идеологическим прикрытием решалась одна задача — резкое ослабление класса селян и насильственное переселение значительной их части в города. Как будто за всеми этими революциями стоял один и тот же интересант. Запрос сегодняшнего российского времени во многом прямо противоположен — восстановление автономии малых городов и сельских населенных пунктов.

В основе заявленного рассредоточения могут находиться только экономические стимулы, поддержка государства, но не административные меры. В настоящее время есть многое из того, что позволяет использовать в сельской местности достижения городской цивилизации. Тем более что ряд областей хозяйственной, иной деятельности стремительно перемещается из физического пространства в пространство виртуально-цифровое, расширяя перечень работ, которые могут выполняться удаленно. Другое дело, что для этого требуется устойчивая и хорошо защищенная от вредоносных факторов связь. Новое рассредоточение предполагает деятельное расширение сети транспортных артерий страны.

Надо полагать, что обустройство страны даст эффект, если будет вестись не только и не столько сверху, сколько снизу — с человека, семьи, поселения. Сказанное как раз и свидетельствует об особой роли в цивилизационном развитии страны местного самоуправления как власти, наиболее приближенной к жителям.

Обустройство — это и совершенствование правового механизма страны, прежде всего в

части обеспечения верховенства Конституции, приоритетной защиты прав и свобод людей, со-зидания крепкого гражданского общества. Без этого невозможен цивилизационный прорыв; более того — без этого нам грозит выпадение из мировой истории (вслед за первым и вторым Римом).

Одна из главных проблем на этом направлении — серьезный конфликт ценностей общественной безопасности и прав человека. Этот конфликт ведет к росту объема запретительно-ограничительного регулирования. А что тут в опасной перспективе? Это безмерное расширение обязывающего типа регулирования, превращение правоведения во многом в запретоведение или обязанностеведение. Этой перспективе, не такой уж гипотетической, мы должны всячески препятствовать.

Укрепление гражданского общества требует демократизации политического механизма, гарантирования свободы слова, собраний, гласности, свободных выборов и подлинно многопартийной политической системы. На этом направлении важно продолжать запущенную в стране практику изменения природы многих публичных дел за счет их перевода из разряда полномочий в число государственных, муниципальных услуг или их делегирование от государства общественным институтам. Необходимо и широкое вовлечение граждан в работу органов публичной власти. Тут многое можно почерпнуть из соответствующей советской практики.

В настоящее время из правового пространства страны выбыл правозащитный ресурс Европейского Суда по правам человека. Он позволял поверять правоприменительную практику на основе Конвенции о защите прав человека и основных свобод, защищая права и свободы людей. Необходимо замещение (в той мере, в какой это возможно) данного функционала. Такая замена предполагает рассмотрение жалоб граждан на нарушение их конституционных прав и свобод ненормативными актами, решениями и действиями (бездействием) органов власти, иных субъектов. Опустела именно эта ниша. Ее

восполнение возможно только в процедурах конституционного судопроизводства. Решать эту задачу можно за счет расширения полномочий Конституционного Суда РФ или за счет децентрализации конституционного судопроизводства с наделением необходимыми полномочиями, к примеру, Президиума Верховного Суда РФ. Не исключено и создание в структуре Верховного Суда РФ особого конституционного присутствия.

Еще один вызов правам человека видят в подчинении человека роботам, искусственному интеллекту. Нет, нам сегодня угрожают не роботы, но роботизация человека, превращение человека регулярного (что для нас естественно) в человека роботизированного, субъектность которого тотально контролируется и подправляется. Как тут не вспомнить поэтическую строчку Андрея Вознесенского из поэмы «Оза»: «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек».

Оказывается, что качественные рывки в рамках научно-технической революции, существенно расширяя технические и технологические возможности человечества, в то же время серьезно подрывают достигнутый уровень защиты прав людей, меняют силовое соотношение государства и общества, элиты и иных групп населения, разных цивилизаций. Почему? Потому что новые возможности (те же глобальные информационные сети) в первую очередь попадают в руки сильных мира сего с их особыми интересами. При этом вряд ли сами технические достижения надо оценивать как вызов правам человека. Однако важно установление справедливых условий их использования и применения.

Вот эта область и составляет постоянное поле борьбы за права человека, целью которой является защита достоинства человека, его естественной природы, данной ему свыше. Названная цель задана Конституцией России (ст. 2, 17, 18, 21, 45, 46, 75.1). Вообще, центральный элемент подлинно конституционной идеологии — это приоритетная защита прав и свобод людей. Надежным условием эффективного выполнения этой работы является сильное просвещенное государство¹³.

¹³ См.: Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов и М. И. Кукушкин. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2010. Гл. 6. С. 118 (автор главы — В. В. Невинский).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Астафичев П. А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 8. — С. 12–18.
2. Бабурин С. Н. Конституционные принципы культуры России в современных условиях // Конституционное и муниципальное право. — 2023. — № 2. — С. 15–21.
3. Бернацкий Г. Г. Государственная идеология как основа конституционного строя // Юридическая наука как основа правового обеспечения инновационного развития России : сборник докладов III Междунар. науч.-практ. конференции (Кутафинские чтения) / отв. ред. В. И. Фадеев. — М., 2012. — С. 61–66.
4. Боброва Н. А. Конституционный строй и конституционализм в России. Проблемы методологии, теории, практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2004. — 48 с.
5. Бондарь Н. С., Баринов Э. Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть II. Ценностное измерение конституционного мировоззрения в координатах конституционного правосудия // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 2. — С. 3–10.
6. Бурдые П. Социология социального пространства : пер. с фр. / отв. ред. пер. Н. А. Шматко. — М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. — 288 с.
7. Бутусова Н. В. Государственная идеология и конституционная доктрина России // Юридические записки. — Вып. 17. — Воронеж, 2004. — С. 29–46.
8. Гаджиев Г. А. Конституционно-правовое концептуальное пространство // Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — № 2. — С. 3–16.
9. Гаджиев Г. А. Официальное толкование Конституции: сочетание онтологического и эпистемологического подходов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2012. — № 1. — С. 130–154.
10. Исаева К. М. К вопросу о конституционной идеологии в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 12. — С. 29–31.
11. Исаева К. М. К вопросу о содержании конституционного принципа идеологического многообразия // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. — 2012. — № 4. — С. 47–49.
12. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. — М. : Юрист, 2004. — 192 с.
13. Кокотов А. Н. Конституция России 1993 года как правовая основа выбора страной цивилизационного пути // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 12. — С. 5–9.
14. Конституционное право России : учебник / отв. ред. А. Н. Кокотов и М. И. Кукушкин. — 4-е изд., пер. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2010. — 544 с.
15. Кравец И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). — М. — Новосибирск, 2002. — 358 с.
16. Кротов А. В. Государственная идеология как обязательный признак конституционного государства // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 123–132.
17. Левакин И. В. Идеология Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 12. — С. 2707–2712.
18. Мартышин О. В. Конституция и идеология // Государство и право. — 2013. — № 12. — С. 34–44.
19. Нарутто С. В. Функции Конституции Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 61–69.
20. Овчинников А. И. Идеология российской государственности в контексте модернизации: базовые ценности и приоритеты // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2012. — № 1. — С. 20–25.
21. Осавельюк А. М. Поправка к Конституции РФ об идеалах наших предков и вере в Бога как основа устойчивого развития России // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — Т. 18. — № 10. — С. 54–60.
22. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. — Саратов : Полиграфист, 1994. — 495 с.

23. Хабибулин А. Г., Рахимов Р. А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категории // Государство и право. — 1999. — № 3. — С. 11–20.
24. Хуснутдинов А. И. К вопросу о конституционном запрете официальной идеологии в условиях современного информационного общества и электронной демократии // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 4. — С. 10–12.
25. Цалиев А. М. О необходимости государственной идеологии в Российской Федерации // Российская юстиция. — 2019. — № 5. — С. 40–43.

Материал поступил в редакцию 8 ноября 2023 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Astafichev P. A. Konstitutsionnyy zapret na gosudarstvennuyu ili obyazatelnyuyu ideologiyu: k voprosu o doktrinalnom osmyslenii i obosnovanii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 8. — С. 12–18.
2. Baburin S. N. Konstitutsionnye printsipy kultury Rossii v sovremennykh usloviyakh // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2023. — № 2. — С. 15–21.
3. Bernatskiy G. G. Gosudarstvennaya ideologiya kak osnova konstitutsionnogo stroya // Yuridicheskaya nauka kak osnova pravovogo obespecheniya innovatsionnogo razvitiya Rossii: sbornik dokladov III Mezhdunar. nauch.-prakt. konferentsii (Kutafinskie chteniya) / otv. red. V. I. Fadeev. — M., 2012. — С. 61–66.
4. Bobrova N. A. Konstitutsionnyy stroy i konstitutsionalizm v Rossii. Problemy metodologii, teorii, praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2004. — 48 s.
5. Bondar N. S., Barinov E. E. Aksiologiya konstitutsionnogo mirovozzreniya. Chast II. Tsennostnoe izmerenie konstitutsionnogo mirovozzreniya v koordinatakh konstitutsionnogo pravosudiya // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2022. — № 2. — С. 3–10.
6. Burde P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva: per. s fr. / otv. red. per. N. A. Shmatko. — M.: In-t eksperiment. sotsiologii; SPb.: Aleteyya, 2007. — 288 s.
7. Butusova N. V. Gosudarstvennaya ideologiya i konstitutsionnaya doktrina Rossii // Yuridicheskie zapiski. — Vyp. 17. — Voronezh, 2004. — С. 29–46.
8. Gadzhiev G. A. Konstitutsionno-pravovoe kontseptualnoe prostranstvo // Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2012. — № 2. — С. 3–16.
9. Gadzhiev G. A. Ofitsialnoe tolkovanie Konstitutsii: sochetanie ontologicheskogo i epistemologicheskogo podkhodov // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie. — 2012. — № 1. — С. 130–154.
10. Isaeva K. M. K voprosu o konstitutsionnoy ideologii v Rossiyskoy Federatsii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2014. — № 12. — С. 29–31.
11. Isaeva K. M. K voprosu o sodержanii konstitutsionnogo printsipa ideologicheskogo mnogoobraziya // Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2012. — № 4. — С. 47–49.
12. Kokotov A. N. Doverie. Nedoverie. Pravo. — M.: Yurist, 2004. — 192 s.
13. Kokotov A. N. Konstitutsiya Rossii 1993 goda kak pravovaya osnova vybora stranoy tsivilizatsionnogo puti // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2018. — № 12. — С. 5–9.
14. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik / otv. red. A. N. Kokotov i M. I. Kukushkin. — 4-e izd., per. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2010. — 544 s.
15. Kravets I. A. Formirovanie rossiyskogo konstitutsionalizma (problemy teorii i praktiki). — M. — Novosibirsk, 2002. — 358 s.
16. Krotov A. V. Gosudarstvennaya ideologiya kak obyazatelnyy priznak konstitutsionnogo gosudarstva // Lex russica. — 2023. — Т. 76. — № 8. — С. 123–132.

17. Levakin I. V. Ideologiya Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2014. — № 12. — S. 2707–2712.
18. Martyshin O. V. Konstitutsiya i ideologiya // Gosudarstvo i pravo. — 2013. — № 12. — S. 34–44.
19. Narutto S. V. Funktsii Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — Т. 18. — № 10. — S. 61–69.
20. Ovchinnikov A. I. Ideologiya rossiyskoy gosudarstvennosti v kontekste modernizatsii: bazovye tsennosti i priority // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik. — 2012. — № 1. — S. 20–25.
21. Osavelyuk A. M. Popravka k Konstitutsii RF ob idealakh nashikh predkov i vere v Boga kak osnova ustoychivogo razvitiya Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — Т. 18. — № 10. — S. 54–60.
22. Sinyukov V. N. Rossiyskaya pravovaya sistema: vvedenie v obshchuyu teoriyu. — Saratov: Poligrafist, 1994. — 495 s.
23. Khabibulin A. G., Rakhimov R. A. Gosudarstvennaya ideologiya: k voprosu o pravomernosti kategorii // Gosudarstvo i pravo. — 1999. — № 3. — S. 11–20.
24. Khusnutdinov A. I. K voprosu o konstitutsionnom zaprete ofitsialnoy ideologii v usloviyakh sovremennogo informatsionnogo obshchestva i elektronnoy demokratii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2016. — № 4. — S. 10–12.
25. Tsaliev A. M. O neobkhodimosti gosudarstvennoy ideologii v Rossiyskoy Federatsii // Rossiyskaya yustitsiya. — 2019. — № 5. — S. 40–43.